

НА ТЕМУ О МОРАЛЬНОМ
КОДЕКСЕ СТРОИТЕЛЯ
КОММУНИЗМА

Наши цели ясны

«Наши цели ясны, задачи определены».—Так сказал на XXII съезде Никита Сергеевич Хрущев. Как четко и смело! Действительно, впереди у нас заветный рубеж — коммунизм, путь к нему — наш добросовестный труд на благо всего общества. Труд везде, независимо, на каком участке ты работаешь. Так считаю я, так считают и все люди, окружающие меня.

Мой родной цех сокращенно называют КМЭ или куст мартен-прокат электриков. Думаю и без расшифровки ясно, чем занимаемся мы. Особенно горячие у нас дни наступают в период пуска новых объектов, ремонтов ведущих агрегатов. Успевай только поворачиваться. В такие дни у нас особенно часто произносятся два имени В. Г. Дедурко и И. И. Толстых. Это не только не два друга, сверстника, а наоборот: Дедурко и Толстых люди разного возраста, привычек. Одно у них общее — отношение к труду. Удивительно они работоспособные, деловитые люди, это их и роднит. Дедурко пришел в цех всего лишь два года тому назад с третьим разрядом, а сейчас у него уже пятый. Самые сложные операции уже для него утратили секрет возможно потому, что никогда он не чурался никакой работы.

И. И. Толстых — старый кадровый рабочий. Его называют своим учителем многие молодые производственники. Помочь, научить, показать для этого у Толстых всегда находится время.

Хотел написать только о тт. Толстых и Дедурко, но рассказ будет неполным, если не назвать еще главу бригады коммунистического труда И. Л. Семенова, наших мастеров тт. Давыдова и Лапина.

Много у нас хороших людей и это радует сердце.

В. ШПОТА,
электрослесарь куста
мартен-прокат электриков.

ЧЕЛОВЕК—ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО!

М. Горький

Моральный кодекс строителей коммунизма известен сейчас любому гражданину нашей страны. Он становится совестью, законом всей нашей жизни. Вчитываясь в кодекс, и перед тобой, как воочию, вырастает честный, справедливый, искренний человек, истый сын своей партии, своего народа. Но характер создается не скоро, привычки, отношение к труду, людям, весь моральный облик формируется годами. Много доброго семени заложено в наших людях, но есть и еще немало камней тяжелых, шероховатых, которые надо убрать с пути, отшлифовать, чтобы расчистить путь светлый и торный.

Любая строка морального Кодекса строителей коммунизма — это бесконечный материал для размышлений, дум. Сколько чувств, мыслей вызывает он. Здесь героика и пафос наших будней, подмеченные замечательные черты своих товарищей, непреклонное, нетерпимое отношение к тем, кто своими поступками, своим поведением еще прочно держится в болоте предрассудков. Вот этому-то и были посвящены сочинения учеников седьмых классов школы рабочей молодежи № 9. Прочитайте их.

Волчьему закону противопоставляем свой

Читал я и слышал, что Программу нашей Коммунистической партии перепечатывали даже крупные буржуазные газеты, порой не слишком доброжелательно настроенные к нам. Представляю что, наверно, некоторые строки были для неискушенных читателей Англии, Франции, Америки, привлекших больше изучать живые измышления по поводу Советского Союза, настоящим открытием... Каково им, живущим по закону волчьей стаи, читать: «Человек — человеку, друг, товарищ и брат».

Конечно, хорошо то, что тысячи людей познакомились с Программой нашей партии. Но как бы широко открылись у них глаза, когда бы они больше узнали о нашей жизни, людях, фактах, которые стали теперь такими обычными и которые уже ни у кого не вызывают удивления.

Эх, как хотелось бы мне рассказать о случае, происшедшем с другом моего детства Иваном Челищевым. Так уж у нас получилось, что мы ни на месяц не выпускали друг друга из поля зрения. В детстве, конечно, порой и поколачивали один другого. Потом в школе зачитывались фурмановским Чапаем, подражали Павке Корчагину, переписывались, когда служили в армии.

Что и говорить, близким, дорогим человеком был для меня Иван. Я гордился, что он стал вояком, да причем заметный. Представьте мое состояние,

когда я неожиданно узнаю, что Иван в больнице, обожгло его при аварии, да так, что неизвестно, выживет ли. Я, конечно, в больницу, может кровь ему нужна или кожа моя для пересадки. Слышал я про такие операции.

Но меня опередили: оказывается, и кровь, и кожу сдали товарищи по цеху.

Жизнь—это крылья

У русского писателя Вересаева есть замечательные слова: «Жизнь жива и прекрасна энергичной работой, жизнь не бремя, а крылья, творчество и радость. Жизнь — это крылья». — Как здорово звучит эта фраза, особенно сейчас, когда за плечами у нас, всего советского народа, крылья сильные и могучие. Взмах за взмахом несут они нас к коммунизму.

Но взмах—это не мгновение. Для него требуется затрачивать и силу и энергию, отметать в себе и своих товарищах дурные качества, совершенствоваться, строго следовать моральному кодексу строителей коммунизма.

Как и всегда, нужны нам здесь хорошие вожаки, люди честные, принципиальные, деловитые — в общем настоящие коммунисты. Есть такие люди и в нашей бригаде — бригаде электриков — это члены КПСС Гребенщиков и Симонов. Хорошо помогают они нам, молодым рабочим. К ним мы идем со всеми производственными неполадками, а зачастую с глазу на глаз по душам толкуем, свои житейские дела обсуждаем, совета спрашиваем. Эти два коммуниста как бы цементируют в единой

Первыми, кинулись в больницу сразу же после смены те, кто работал с Челищевым рядом. Сколько их было, сказать трудно, в общем целая толпа. Но их, как выяснилось, тоже опередили другие «претенденты» — люди совсем из другой бригады, некоторые из них даже не видели Ивана в глаза. У них было больше прав оказать помощь, они еще не выходили на смену, не устали. Врачи остановились на них.

Иван остался жив, вышел из больницы, поехал отдыхать. Об этой истории в мартеновском цехе № 1 теперь уже забыли, никто не считает за геройство, что отдал немного крови, перенес операцию во время пересадки кожи. Вот какие дела стали у нас обыденными — это мне кажется добрым знаменем, знаменем пришедшего к нам будущего.

ШЛЕПЕНКО,
работник листопрокатного цеха № 2.

дружбе нашу бригаду, умеют они предотвратить ссоры, раздоры.

В бригаде уже выработался свой уклад жизни—все учатся, в обеденный перерыв обязательно читаем газеты, если случился простой, пусть хоть считанное число минут, устраиваем тщательный разбор, где виновников не поглядят по головке.

Так мы живем. В общем, наша бригада очень хорошая, но она далеко не исключение в обжимном цехе, который борется за звание коллектива коммунистического труда.

ЛОКТИОНОВ,
работник обжимного цеха.

Не по пути

В моральном кодексе строителя коммунизма записано: неприязнь к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству. Все это отвратительные, архаичные черты прошлого. Но вся беда в том, что порой они слишком крепко гнездятся в некоторых людях.

Оглянитесь-ка: человек не купил в трамвае билет—как будто мелочь. Но вдумайтесь—и станет неприятно — гнусная, презренная привычка, хоть кроху да урвать из государственного кармана, сохранив в своем какой-нибудь стержней пятак.

П. ЕНГИСАЕВ,
слесарь газового цеха.

Развитие новых отраслей промышленности

Быстро развиваются в Грузии новые отрасли промышленности—электротехническая и приборостроительная. На молодом электровозостроительном заводе имени Ленина в Тбилиси появился новый корпус, где разместились аппаратный и секционнокатушечный цехи. Производственный корпус в 6 тысяч квадратных метров получил тбилисский завод «Электросварка».

Предприятия оснащаются совершенными агрегатами и машинами. Поточные линии пущены на заводах «Электроавтомат», «Электротрактор» и других. До конца семилетки на электротехнических предприятиях республики предусмотрено пустить 80 поточных линий, 50 конвейеров и роторных установок.

Целлюлозно-бумажный комбинат на Дальнем Востоке

Проект первого на Дальнем Востоке целлюлозно-бумажного комбината завершил досрочно коллектив проектного института «Гипробум» в Ленинграде. Строительство предприятия начато возле города Комсомольска—на Амуре.

Новый комбинат, названный «Комсомольским», будет перерабатывать ежегодно около двух миллионов кубических метров древесины, которая прежде являлась отходами лесозаготовок и не использовалась. Его годовая мощность—сто десять тысяч тонн белой целлюлозы и двести семьдесят тысяч тонн тарного картона для ящиков. Первая очередь комбината—целлюлозный завод—вступит в строй в 1963 году, а вторая — на год позже.

Поздно пришло раскаяние

Человек — общество. Эти два понятия у нас стали едиными. Человек для общества, общество для человека. Какое здесь может быть противоречие, когда это буквально стало законом нашей жизни? Да откуда быть ему, когда нет у нас класса эксплуататоров, кровавым человеческим потом живающего барыши. Избавились мы от таких трупней еще в 1917 году.

Одно пока плохо, что попадают среди нас еще люди, которые буквально погрязли в пороках прошлого, арканом их оттуда не вытянешь. Честный, добросовестный труд не устраивает их, хочется им легкого заработка, бешеных денег. Они, видите ли хотят жить, как им хочется, не стесняя себя ни в чем, и ради этого готовы пойти на преступление. С одним таким типом когда-то нам много пришлось возиться. Звали его Александр Шурандин. Вроде бы сначала он был совсем недурным парнем, имел высокий разряд. Впрочем, последнее, возможно, его как-то испортило. Он, видите ли, вырвался вперед, зазнался, считал, что никто ему не указ, никто его заменить не может,

стал пить, засим последовали и прогулы. За какое-то время не узнать стало человека: опустился, огрубел, забыл о чести, вежливости.

Дошло до товарищеского суда. Шурандина уволили из комбината. Вот где бы ему опомниться, спохватиться, задуматься: до чего, мол, дошел, куда же дальше катиться. И встал бы на ноги. Но дурная тяга к водке затмила все. Получал деньги — пропивал, где бы ни работал, все не хватало средств, чтобы прожить, прокормить себя одного, потому что даже семьей Шурандин не удосужился обзавестись. Деньги зарабатывал он изрядные, да на кутежи нужны немалые суммы. Стал Шурандин жить двойной жизнью. С утра на работе, а ночью «в дозоре». Как тать плутал он по темным закоулкам, выгладывая жертву. Крепкий здоровый мужчина стал охотником за дамскими сумочками — вырвет, убежит. Что еще, может быть гнуснее, подлее. Кривая дорожка привела к одному концу — десяти годам тюремного заключения.

Сейчас Шурандин пишет в Магнитогорск письма, клявет се-

себя за страшное прошлое. Поздно же пришло раскаяние: человек разменял четвертый десяток лет и только теперь что-то начал сознавать.

П. ЕНГИСАЕВ,
слесарь газового цеха.

□ □ □

Свыше 30 лет тому назад простым рабочим начал свой трудовой путь на центральной электростанции Николай Александрович Чубаков.

В 1934 году Чубаков перешел работать в электро-ремонтный цех. С тех пор он непрерывно трудится в этом цехе и является одним из лучших электро-намотчиков крупных машин.

На снимке: Н. А. Чубаков.

□ □ □
Фото Е. Карпова.

Вас так же, как и меня, возмущали, конечно, факты, происшедшие в листопрокатном цехе № 3. Там один руководитель, некто Александров, зарвался до того, что почувствовал себя таким маленьким царьком. Некоторых работников он заставлял мыть в своей квартире пол, гонял за водкой, пивом. Можно ли говорить о его какой-то моральной устойчивости, когда он, пользуясь своим служебным положением, буквально помыкал людьми. И очень плохо, что в бригаде об этом молчали, проявляли трусость, слабодушие. Ни одного подобного позорного случая не должно быть в наших рабочих коллективах. Таким с нами не по пути.

М. ТЕЛЬНОВ,
работник сортопрокатного цеха.